

языков главным образом касаются поверхностного уровня, постольку на первый план выступают больше различия, чем сходства (с. 340–341). Вне зависимости от того, рассматривается ли происхождение языков как моногенез или полигенез, все равно все языки мира построены по одной схеме. Число различий увеличивается по мере того, как отдаляешься от первоначального материала по направлению к более абстрактным чертам. Основные элементы речевой деятельности везде одинаковы. Этот факт позволяет авторам книги предполагать моногенез человеческого языка (с. 341).

В заключительной части подводятся итоги лингвистической ситуации и дается прогноз лингвистического будущего Европы.

Вообще, каждый раздел книги по-своему ценен и интересен, и о каждом из них можно было бы написать отдельную рецензию. Несмотря на недостатки, которые в основном касаются количества языков и диалектов, т.е. какой язык считать самостоятельным, а какой только диалектом, эта книга является ценным источником для расширения лингвистического кругозора.

О.А. Осипова

Литература

1. Якушин Б.В. Происхождение человека и языка в процессе трудовой деятельности // *Онтология языка как общественного явления*. М., 1983.
2. Серебренников Б.А. К проблеме типов лексической и грамматической абстракций // *Вопросы грамматического строя*. М., 1955.
3. Серебренников Б.А. К проблеме происхождения притяжательных суффиксов в тюркских и уральских языках // *Фонетика. Фонология. Грамматика: К 70-летию А.А. Реформатского*. М., 1971.
4. Серебренников Б.А. Что таит в себе уральский притяжательный суффикс 3 л. ед. ч. -sa? // *Сов. финно-угроведение*. 1976. № 4.
5. Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.
6. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. Ч. 1–2. Тбилиси, 1984.
7. Напольских В.В. *Введение в историческую уралоистику*. Ижевск, 1997.
8. Вереш П. Финно-угорская прародина и этногенез венгерского народа // *Acta Ethnographica Acad. Sci. Hung.* 1984–85. 33/1-4.
9. Decsy G. *The Uralic Protolanguage: a Comparative Reconstruction*. Bloomington, Indiana, 1990.
10. Толстой Н.И. Опыт семантического анализа славянской географической терминологии. АДД. Л., 1972.
11. Comrie B. *Language Universals and Linguistic Typology. Syntax and Morphology*. Second Edition. Chicago, 1989.

БОЛОТНОВА Н.С., БАБЕНКО И.И., ВАСИЛЬЕВА А.А. И ДР. КОММУНИКАТИВНАЯ СТИЛИСТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: ЛЕКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И ИДИОСТИЛЬ.

Томск, 2001. 331 с.

Состояние современной лингвостилистики оценивается учеными по-разному: одни исследователи говорят о переживаемом ею кризисе, другие – об успешном ее развитии. Оптимистичной была точка зрения известного теоретика и историка этой науки А.Н. Васильевой, считавшей, что стилистика *накапливает силы перед новым скачком* [1]. Перспективы развития этой науки А.Н. Васильева связывала прежде всего с экспликацией представления о формах существования и уровнях функционально-стилистической системы, с разработкой не только продукционной стилистики, изучающей готовую речевую продукцию, но и стилистики речевой деятельности, причем последняя рассматривалась как охватывающая оба основных вида текстовой деятельности – порождение и восприятие речевых произведений. В число приоритетных проблем речеведения включалось и исследование социального стилистического сознания в отношении к сознанию индивидуальному [2].

Выход в свет рецензируемой монографии подтверждает эту оптимистичную точку зрения. Авторы кни-

ги, тонко уловив тенденции развития функционально-стилистической теории, сосредоточились на наиболее актуальных ее проблемах. Одна из них – реализация в стилистическом исследовании методологически важного для коммуникативной лингвистики представления о знаковом общении как познавательно-речевой деятельности, формируемой «сцеплением» действий порождения и интерпретации текстов (Т.М. Дридзе), о сопряженной детерминированности речевого произведения этими видами действий как законе его системной организации (Е.В. Сидоров). В монографии воплощением этой идеи стало изучение регулятивных текстовых структур разных типов, стимулирующих и направляющих познавательную деятельность читателя, оптимизирующих процесс общения. Это позволило разработать последовательно диалогический подход к изучению художественного текста.

Другая крупная проблема, решаемая авторами монографии, – экспликация с коммуникативных позиций понятия *идиостиль*. Он понимается «как многоаспектное и многоуровневое отражение языковой

личности творца, “стоящей” за текстом, с учетом ее многообразных проявлений в процессе текстовой деятельности, включая ориентацию на адресата» (с. 303). Идиостиль рассматривается с точки зрения того, «как конкретная языковая личность автора организует диалог с читателем, направляя его речемыслительную деятельность по определенному пути в соответствии с коммуникативной стратегией текста и интенцией создателя» (с. 74).

Поскольку сознание отдельного человека включает в качестве основного своего содержания идеи, установки, нормы и т.п., имеющие статус общественного сознания, то и индивидуальное стилистическое сознание может изучаться как образуемое идеями, концептами, коммуникативными установками и нормами, присущими социальному стилистическому сознанию. Исходя из этой посылки, авторы книги предложили модель изучения идиостиля, объектом которой являются используемые отдельным писателем (поэтом) социально осознанные средства и способы текстовой деятельности и их индивидуальные модификации. Модель предполагает установление состава лексических знаков произведения (и всей совокупности произведений писателя), среди них – ключевых слов, их ассоциативно-смысловых полей, описание взаимосвязи этих полей, типов смыслового развертывания текстов и др.

Важное достоинство монографии состоит в том, что теоретической базой для разработки проблем коммуникативной стилистики художественного текста стали глубоко осмысленные и органично объединенные в рамках создаваемой концепции достижения теоретической лингвистики последних лет. Это представления о текстовой деятельности как форме человеческого общения, об определяющих ее экстралингвистических факторах, о концептуальной картине мира, о языковой личности и др.

Применяемый авторами монографии деятельностный подход к изучению речевого произведения оказался плодотворным для интеграции в единую систему наличного знания в области стилистики художественной речи. В самом деле, активно осуществлявшиеся в 1950–70-е гг. исследования особенностей словоупотребления и образной трансформации лексических единиц в произведениях различных писателей создали достаточно полную эмпирическую базу для углубленного лингвистического изучения их творчества. Продолжение подобных изысканий, казалось, со временем утратило актуальность. Между тем в работе томских стилистов лексические единицы и приемы речевой выразительности осмыслены как *средства текстовой деятельности* и поэтому рассматриваются в одном ряду с ассоциативно-смысловыми полями ключевых слов, объединениями этих полей, коммуникативными стратегиями развертывания речи и другими явлениями, имеющими текстовой статус. В соответствии с логикой данного исследова-

ования накопленный стилистикой художественной речи эмпирический материал оказывается востребованным при разработке коммуникативной теории идиостиля, что, на наш взгляд, очень ценно с точки зрения сохранения преемственности научного знания в лингвистике.

Понятийный аппарат концепции авторы выстраивают с учетом специфики художественного творчества – его ассоциативно-образной природы. Развивая представления, выдвинутые в предшествующих своих работах, Н.С. Болотнова раскрывает взаимосвязь понятий «ассоциативно-смысловое поле слов», «ассоциативная структура текста», «ассоциативно-смысловое развертывание текста», «концептуальная картина мира писателя» и др.

Как показано в монографии, *текстовые ассоциативно-смысловые поля* объединяют соотносимые со значимыми для автора концептами словные и неоднословные единицы, связанные парадигматически и синтагматически. Эта соотнесенность может быть семантической, тематической, референциальной, ситуативной и иной. Ассоциативно-смысловые поля являются регулятивными текстовыми средствами: в процессе восприятия читателем лексических микроструктур, стимулирующих ассоциативные поля образов, в его сознании формируются концепты, отражающие представление об интенции автора (с. 132). В рамках этих полей возникают определенные направления ассоциирования. Формируется *ассоциативная структура текста* – основное инвариантное направление ассоциирования, стимулированное системой знаков и их последовательностей в процессе текстообразующей и интерпретирующей деятельности субъектов (с. 38). Данная структура позволяет судить о механизме *ассоциативно-смыслового развертывания текста*. Выявление взаимосвязи ключевых концептов, их ассоциативно-смысловых полей создает представление о фрагменте *концептуальной картины мира автора*.

Плодотворность этих положений доказывается анализом поэтического наследия Н. Гумилёва, О. Мандельштама, М. Цветаевой, И. Бродского – многоплановой и глубокой характеристикой их идиостилей.

Интересны развиваемые в монографии представления об особых коммуникативных универсалиях – «нормах и правилах, регулирующих общение на лингвистической основе в разных сферах коммуникации в рамках одной языковой системы» (с. 265). В этом определении особенно существенно, на наш взгляд, указание на детерминированность норм общения спецификой соответствующей коммуникативной сферы и на лингвистический аспект изучения этих норм. (Оба момента отличают понятие о коммуникативных универсалиях от понятия *максим общения* Грайса.) К числу коммуникативных лексических универсалий, охарактеризованных в работе, относятся законы *смысловой «избыточности», эстетически*

обусловленной «экономии» языковых средств, гармонического соответствия текстовой парадигматики и синтагматики и др.

Как известно, в функциональной стилистике при описании организации речевых разновидностей используется понятие *конструктивного принципа* (В.Г. Костомаров) или *специфической стилиевой черты* (М.Н. Кожина). Специфическая черта того или иного функционального стиля (или несколько таких черт) непосредственно вытекает из задач общения в соответствующей сфере и определяется своеобразием экстралингвистической основы данной разновидности речи. В эстетической сфере, по мнению М.Н. Кожиной, такой инвариантной чертой текстов является *художественно-образная речевая конкретизация*. Выявленные в рецензируемой монографии законы структурирования художественной речи, с нашей точки зрения, предстают как особенные формы более общего закона – образной речевой конкретизации; установление этих законов делает наши представления о системности художественной речи более глубокими и содержательными. Не будет, очевидно, поэтому ошибкой сказать, что экспликация понятия коммуникативной лексической универсалии развивает и конкретизирует концепцию специфических стилиевых черт. При этом акцентируется мысль о гармоничном общении автора и читателя, а объектом рассмотрения становятся единицы лексического уровня, являющиеся основным средством создания и выражения образов. В связи с комплексным характером образ-

ной конкретизации перспективно, на наш взгляд, обращение к грамматической и графической оформленности слова в тексте, эстетическая значимость которой раскрыта в работе на материале поэзии Н. Гумилёва, М. Цветаевой, И. Бродского. В то же время понятие коммуникативной лексической универсалии обнаруживает связь с проблематикой лингвопрагматики (с максимами ведения разговора Грайса), в чем обнаруживается «созвучность» положений смежных направлений изучения речевой коммуникации.

Обобщая все сказанное, подчеркнем, что монография томских стилистов содержит одну из наиболее интересных концепций современной лингвостилистики – концепцию, основывающуюся на важнейших достижениях этой науки предшествующих десятилетий и емко воплотившую в себе ключевые проблемы речеведения последних лет. Симптоматично, что понятие стиля как *индивидуального духовного выражения* (К. Фосслер, Л. Шпитцер), т.е. идиостиля, во многом определило зарождение теоретической стилистики в начале XX в. и ее последующее развитие. Разрабатываемый авторами монографии подход к идиостилю как явлению, отражающему «характер мировосприятия... души поэта» (с. 79), вводит в круг наиболее фундаментальных проблем общей лингвистики (ср. теоретические позиции М.М. Бахтина [3] и Л. Шпитцера), с чем, как нам представляется, связаны наиболее важные перспективы этой концепции.

В.А. Салимовский

Литература

1. Васильева А.Н. О некоторых особенностях функционально-стилистической теории на современном этапе и в ближайшей перспективе // Статус стилистики в современном языкознании. Пермь, 1992.
2. Васильева А.Н. Функциональное направление в лингвостилистике и его значение в преподавании русского языка как иностранного: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1981.
3. Бахтин М.М. Под маской. Маска третья. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. М., 1993.

ШАРАНДИН А.Л. СИСТЕМНАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ РУССКОГО ГЛАГОЛА.

Тамбов, 2001.

В новой книге А.Л. Шарандина развиваются и апробируются на новом материале идеи, изложенные в более ранних сочинениях данного автора, и в частности в его работе «Лексическая грамматика русского языка». Основным содержанием этих работ является анализ взаимодействия семантики грамматических категорий с лексическим значением слов разных частей речи. В книге «Системная категоризация русского глагола» связи между различными компонентами значения слова исследуются на новом материале и в новом аспекте, предполагающем изучение тех организующих факторов, которые свойственны человеческому восприятию и осмыслению мира.

Проблемы системной категоризации русской глагольной лексики решаются А.Л. Шарандиным в со-

ответствии с требованиями современной научной парадигмы, которая выдвинула на первый план исследования, направленные на выявление ментальных структур, отраженных в семантике языковых единиц, и на определение функции языковых знаков в процессе реализации этих структур. В этом аспекте особенно актуальным представляется осуществленный в книге анализ общих принципов категоризации языковых форм с точки зрения их когнитивного содержания и выполняемых ими в речи функций.

В четырех главах работы последовательно решаются вопросы о роли категоризации в организации семантической структуры слова, в распределении слов по частям речи и в грамматическом оформлении языковых единиц. Рассматривая слово как ре-